

крещении благодати, является общей всем христианам и, как таковая, не может означать собственную характеристику жизни Данте». Вот почему, отложив в сторону эту канцону, поэт начинает в «*Vita Nuova*» рассказ о своей жизни с возраста девяти лет. Но так как мы не знаем, действительно ли канцона посвящена Беатриче, и не разумеем, каким образом описанные к ней следствия страсти можно приписать крещению, создается впечатление, что объяснение и подлежащий объяснению факт никак не связаны друг с другом. Но продолжим наш путь. Быть может, всё прояснится, когда мы познакомимся с «собственной характеристикой жизни Данте», с которой поэт пожелал начать свое повествование.

IV. — БЕАТРИЧЕ — ПОСТРИЖЕНИЕ

В самом деле, мы углубляемся в повествование «Новой жизни» с первой встречи Данте и Беатриче. Добродушно посмеявшись над «реалистами», не замечающими, насколько невероятна любовь в девятилетнем ребенке, «особенно если она рано достигла зрелости»², о. Мандонне предлагает собственное истолкование этого знаменитого места (*Vita Nuova*, II): встреча с Беатриче знаменует момент, когда «Данте обращает взор к церковной жизни и начинает подготовку к ней с изучения грамматики, за которым, вероятно, последовало изучение начал теологии»³.

Я готов признать, что возраст девяти лет не внушает никакого доверия — по той простой причине, что он явно обусловлен символическим счетом времени, к которому сам Данте вручил нам ключ. Я только скромно признаюсь в той наивности, что не считаю *невозможным* зарождение сильного и страстного чувства в девятилетнем ребенке, особенно если этот ребенок — Данте. Но в данном случае это не важно. Если мы признаём, что счет времени в «*Vita Nuova*»

котором о. Мандонне усматривает «краткое изложение превратностей его духовной карьеры, впоследствии оставленной»¹. Здесь дело портится, и мы поступим мудро, если обратимся к самому поэту за разъяснениями по поводу этого видения, из которого о. Мандонне приводит только то, что ему угодно.

Сначала Данте видит облако огненного цвета, а в нем — некоего мужа, обликом страшного, который сам, однако, полон веселья. Он произносит речи, из которых Данте понял немного, в том числе слова: «*Ego dominus tuus*» [«Я — твой господин»]. На его руках спит нагая Беатриче, лишь слегка прикрытая алой тканью. В одной из ладоней муж держит пылающее сердце. Затем он будит Беатриче и заставляет ее съесть это пылающее сердце, что она и делает без колебания. Спустя немного времени веселье мужа обратилось в плач, и он, взяв донну на руки, стал словно бы возноситься с нею к небу. Здесь Данте проснулся и написал сонет — ибо он уже был поэтом, — обращенный ко всем «прославленным певцам» того времени. Сонет толкует видение следующим образом: муж—это Любовь, держащая в руке сердце Данте; он заставляет испуганную Беатриче съесть это сердце и наконец удаляется с плачем. Этот сонет, заключает Данте, породил множество различных ответов, среди которых он особо отмечает стихотворение Гвидо Кавальканти «*Vedesti al mio parere omne valore*»*. Так началась дружба обоих поэтов².

Если прежде смысл сонета был темным, теперь он должен был проясниться для самых простодушных, узнавших о любви Данте к Беатриче. Во всяком случае, он ясен для нас, ибо сам Данте потрудился растолковать его нам. Но о. Мандонне не обращает внимания на эти разъяснения; его интересует лишь собственная интерпретация. Устрашающий муж, произносящий темные речи, означает, «что Данте не вполне отдавал себе отчет в глубине обязательств, налагаемых духовным саном»³. Тем не менее, он разбирает слова: «*Ego*

ную часть видения понять нетрудно: некоторое время спустя (год или более) «муж, держащий на руках спящую Беатриче, заставляет ее съесть сердце Данте. Она ест, сперва колеблясь (*dubitosamente*): это означает колебания Данте после посвящения в низший чин. Через недолгое время радость Беатриче обращается в горчайший плач. Она укрывается на руках у мужа, и оба словно бы возносятся к небу». Действительно, Беатриче — то есть посвящение Данте — мертва; Данте никогда не поднимется над низшим саном, никогда не станет иподиаконом¹.

У этого хитроумного комментария лишь один недостаток: он не объясняет текста. Кто этот муж, чьих слов Данте не понимает? Как я догадываюсь, это Бог. А кто эта женщина, спящая на его руках? Нам говорят, что это посвящение Данте. Пусть так. Но почему она обнажена? И почему окутана алым покрывалом? Об этом ничего не сказано. Муж держит в руке пылающее сердце Данте: чем же вызвано его пылание? Если оно пылает к Богу или к своему призванию, тогда непонятно, почему это призвание не уверено в себе. Правда, колеблется, по-видимому, сама Беатриче; но, поскольку предлагаемое ей сердце сгорает от любви, почему призвание колеблется? Ничто в этом *Traumdeutung*** о Мандонне, столь мало напоминающем фрейдовское, не объясняет странного феномена — призвания, которому предлагают пылающее сердце и которое принимает его, а затем впадает в малодушие. В самом деле, призвание Данте — словно отделенная от него личность, чьи чувства не имеют никакой связи с его чувствами. Кроме того, о Мандонне уверяет нас, что радость дамы, после того как она съела сердце Данте, «обращается в горчайший плач. Она укрывается на руках у мужа, и оба словно бы возносятся к небу»². Бесполезно обсуждать такое истолкование, потому что здесь о Мандонне явно запутывается в собственном

чтобы он ее унес. Я отлично знаю, что о. Мандонне объяснил бы эту версию так же легко, как и все остальные; но его объяснения так же схожи с текстом Данте, как *Ecce Dominus tuus* схоже с *Dominus pars hereditatis meae*. Чтобы довольствоваться подобными согласованиями, поистине нужно быть не слишком требовательным. Но эти предвзятые утверждения, напротив, ненасытны. Мы ничего не добьемся, согласившись с о. Мандонне в том, что встреча Данте с Беатриче в действительности означает принятие им пострижения. Символистская экзегеза, как у нас еще будет возможность отметить, требует гораздо большего.

V. — БЕАТРИЧЕ — НИЗШИЙ ЧИН

Читатель, несомненно, отметил то смелое утверждение, что Данте принял не только пострижение, но и посвящение в низший чин и остановился лишь на пороге иподиаконии. В этом о. Мандонне убедила следующая фраза из «Новой жизни», XIV: «Я сделал шаг в ту часть жизни, где нельзя уже идти далее, ежели хочешь воротиться». В самом деле, замечает о. Мандонне, посвящение в иподиаконию необратимо, и, кроме того, при посвящении в иподиаконию рукополагаемый выражает свою решимость, делая шаг.

Конечно, для того, кто уже убежден, что смысл «Новой жизни» насквозь теологичен, слова Данте — непреодолимое искушение. Но тому, кто просто спрашивает, что он хотел этим сказать, их смысл раскрывается иначе. Претендующий на посвящение в иподиаконы действительно делает шаг вперед в знак своей решимости, и этот последний шаг необратим; но Данте не ведет речи ни о чем подобном. Если он говорит, что «сделал шаг» в ту точку, из которой следующий шаг был бы необратимым, значит, сделанный им шаг всё ещё обратим — а это прямо противоположно тому шагу, который должен сделать посвящаемый в иподиаконы. В действительности